О жизни студенческой

Заболотский Николай Николаевич
«За учебой», 1951 г.

Семинары, лекции, практические, работа в библиотеках... А также взлеты и неудачи, крепкая дружба и конфликты, отлично сданные и заваленные экзамены, автоматы и хвосты, — все это студенческая жизнь, закрытая, строгая, но при этом не такая спокойная, как многим из нас кажется на первый взгляд. Ведь в тихом омуте, сами знаете, что водится.

Неудивительно, что лучшие писатели делали местом действия своих произведений именно высшие учебные заведения. Маленькие вселенные со своими законами, правилами и обычаями, где невозможно скрыться от любопытных глаз всезнающих коллег и студентов.

Отечественная литература

О, вот оно! Студенчество – свободный народ!

Л.Н. Толстой «Юность»

Пастернак Л., Ночь перед экзаменом 1895 г.

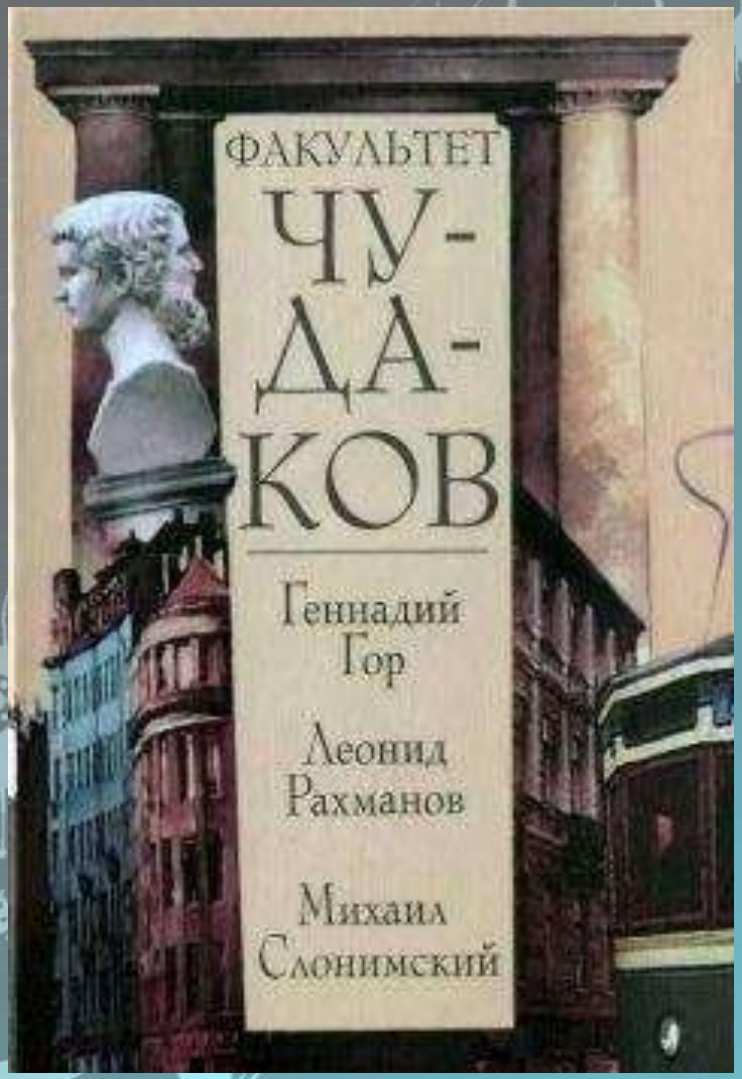
Зима прошла незаметно, и уже опять начинало таять, и в университете уже было прибито расписание экзаменов, когда я вдруг вспомнил, что надо было отвечать из восемнадцати предметов, которые я слушал и из которых я не слышал, не записывал и не приготовил ни одного. Странно, как такой ясный вопрос: как же держать экзамен? — ни разу мне не представился. Но я был всю зиму эту в таком тумане, происходившем от наслаждения тем, что я большой и что я comme il faut, что, когда мне и приходило в голову: как же держать экзамен? — я сравнивал себя с своими товарищами и думал: «Они же будут держать, а большая часть их еще не comme il faut, стало быть, у меня еще лишнее перед ними преимущество, и я должен выдержать».

Книга находится в отделе гуманитарной литературы научной библиотеки ЧГМА

В гробовой тишине прозвучали глухо первые слова профессора: "Милостивые государи!"

Точно яркая молния осветила повеселевшего вдруг Карташева. Это он-то милостивый государь? Но кто же другой? Конечно, он, студент петербургского университета. Не гимназист, а студент; не мальчишка, а молодой человек, пришедший вместе с другими сюда узнать то, что поведает ему этот знаменитый старик. И только для этого и больше ни для чего пришел и он, и все другие сюда, и все остальное — такая мелочь... пошлая и глупая... Радостное чувство охватило Карташева, и он вдруг впервые ощутил какую-то тесную связь с этой толпой. Нет, все-таки это уже не толпа улицы, это его толпа. Эта аудитория тоже не улица — это источник света, знания. Он молодой, во цвете сил, и перед ним длинная жизнь, и все, все будет в ней зависеть от того, какой фундамент успеет заложить он в эти, в сущности, короткие дни своего учения.

Книга находится в отделе гуманитарной литературы научной библиотеки ЧГМА

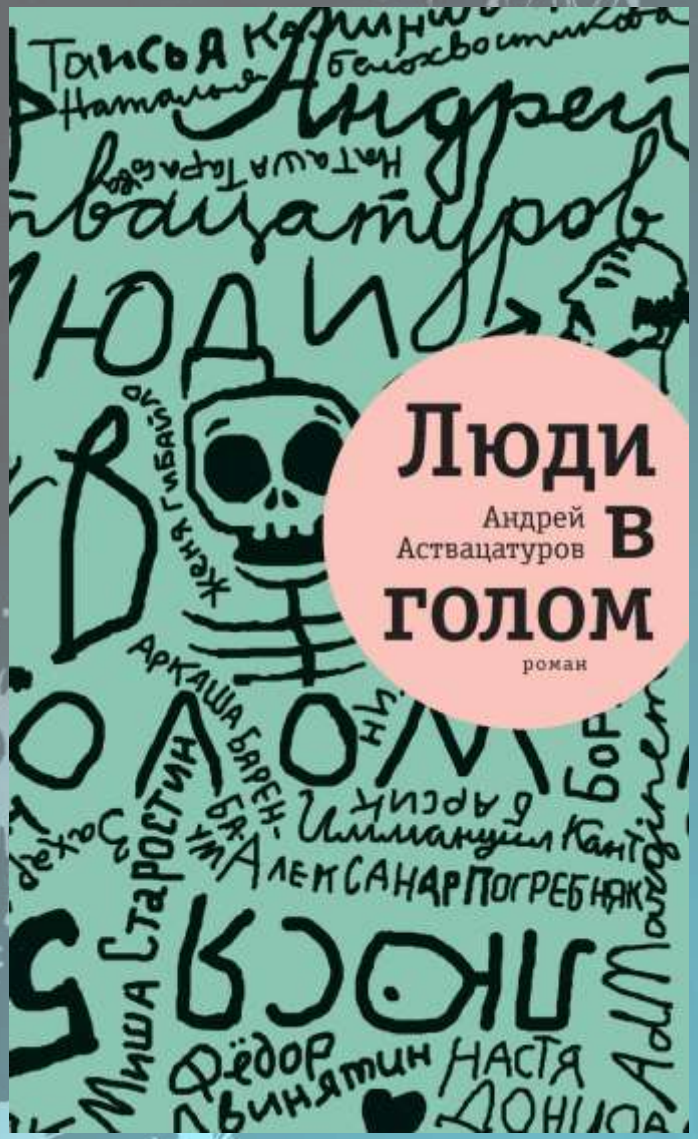


«Книги не отпускают меня", - подумал он. Ему, как никогда, не хотелось уходить из библиотеки. Непреодолимое желание учиться, внезапно возникшее в нем, непреодолимое желание напоминало ему утренний сон, когда будят на работу.

- Пять минут, Кац. Еще пять минут. Я дочитаю только до конца главы.

Он замечал: библиотека имеет свой запах. Этот запах был приятен ему. И тишина. Тишина приятна. Били часы. Хрипели. Били. Затем он услышал звон часов из другой комнаты, соседней. Их звон был другой, непохожий. Он видел шкафы. Книги, казалось ему, его дразнили. "Ты читал, - укоряли книги, - слишком мало. Ты почти ничего не читал!"

Книга доступна на сайте «Mir-knig.com»:
https://mir-knig.com/read_245426-1#



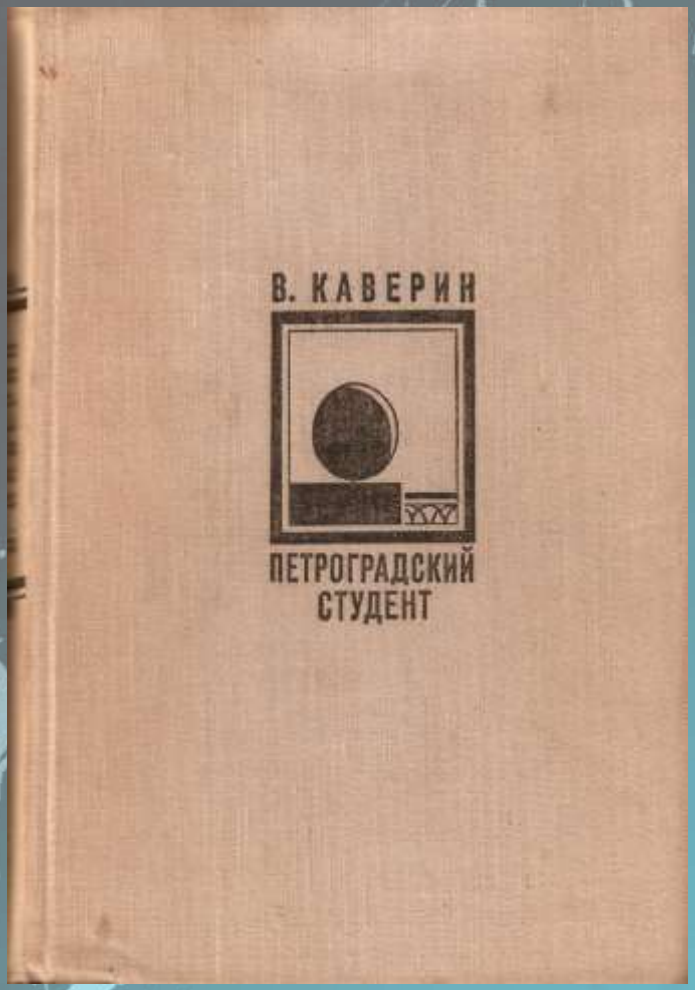
В итоге я оказался на филологическом факультете Ленинградского университета.

Попасть туда в 1986 году для еврея было так же непросто, как и в пастухи. Но со второй попытки у меня все получилось.

В университете я учился хорошо: видимо, папины угрозы сыграли здесь какую-то роль. Я начал думать, размышлять, чего прежде никогда не делал.

Преподаватели мне нравились. Особенно пожилые профессора. В костюмах и в галстуках. Иногда в свитерах — это те, кто помоложе. От них веяло неотмирной библейской мудростью и академическими идеалами. Студенты рядом с ними казались глупыми и неуместными. Но только на первый взгляд.

Книга доступна на сайте «Bookscafe.net»:
https://bookscafe.net/read/astvacaturov_andrey-lyudi_v_golom-176317.html#p13



Я поступил в полуразвалившийся университет. Не помню, что бы я когда-нибудь пожалел об этом. Установившийся за столетие порядок, система, связывающая его с другими учреждениями были отменены. Для того, что бы стать студентом, достаточно было сняться в фотографии и взять справку у управдома. На лекции можно было не ходить – как, впрочем, и в дореволюционном университете. Неудобно было манкировать семинарами, которым руководили любимые профессора. Но если семинарами руководили нелюбимые, мы не ходили и на семинары. Много времени проводили в архивах и библиотеках, работая над рефератами, которые читали часто. Мы могли серьезно заниматься не всеми предметами на свете, а только теми, которые действительно отвечали нашим интересам. В двадцать лет мы были взрослыми людьми, которые должны были выбирать свой путь в науке и в жизни.

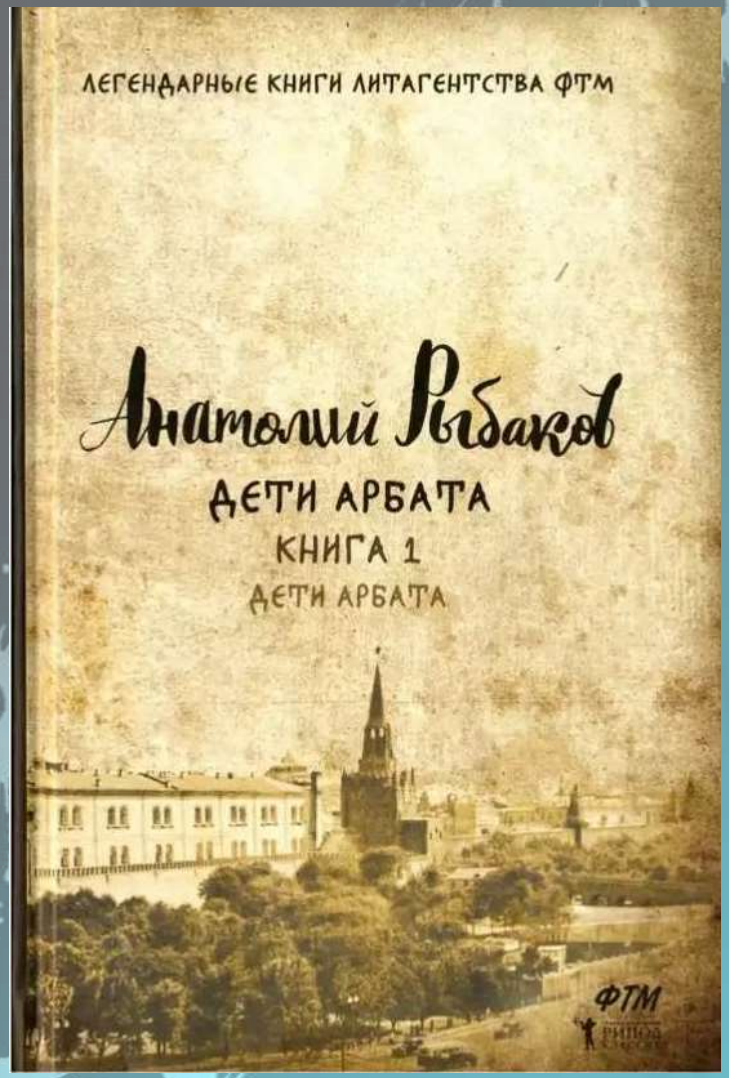
Книга находится в отделе гуманитарной литературы научной библиотеки ЧГМА

Первый год в институте был годом присматривания, привыкания к новой жизни, был годом медленных сдвигов, трудных и незаметных побед и — главное, главное! — был годом радостного, несмотря ни на что, и жадного наслаждения миром, работой, ощущением верно начатого, основного для жизни дела. Иногда на лекции, в читальне или вечером дома за письменным столом, где он читал газету или перелистывал книгу, а Вера Фаддеевна, усталая после работы, дремала на диване, и у соседей тихо играло радио, и с улицы доносились гудки машин и детские голоса, — внезапно охватывало Вадима ощущение неподдельного, глубочайшего счастья. Ведь как он мечтал сначала в эвакуации, а потом в армии об этом мирном рабочем столе, о книгах, о тишине «секционного зала — обо всем том, что стало теперь повседневной реальностью и буднями его жизни!

Книга находится в отделе гуманитарной литературы научной библиотеки ЧГМА

Их дружба началась на первом курсе. Иногда удивляются дружбе совершенно разных людей, но по-настоящему дружить могут только разные люди. Между людьми сходных характеров и темпераментов неизбежны резкие столкновения и неизбежен разрыв. У этой троицы вдумчивость Зеленина и его пылкая искренность как бы уравновешивали довольно наигранный цинизм Максимова и легковесность Владьки Карпова.

Книга находится в отделе гуманитарной литературы научной библиотеки ЧГМА



Седьмого ноября Саша ждал институтскую колонну на углу Тверской и Большой Грузинской.

Колонны двигались медленно. Над рядами колыхались знамена, транспаранты, портреты… Сталин… Сталин… Сталин… Пожилые мужчины озабоченно дули в трубы, в рядах пели нестройными голосами, танцевали и плясали на асфальте. Громкоговорители разносили звуки и шумы Красной площади, голоса радио-комментаторов, приветствия с Мавзолея, восторженный гул проходящих через площадь демонстрантов.

Институтская колонна показалась часов около двух и сразу остановилась. Ряды смешались. Проталкиваясь сквозь толпу, Саша подошел к своей группе. И тут же поймал направленные на себя настороженно-любопытные взгляды: так смотрят на человека, попавшего в беду. Это не из-за бюро. Это что-то другое.

Книга находится в отделе гуманитарной литературы научной библиотеки ЧГМА

Пройдя мимо пустынных в этот ранний утренний час маленьких и тесных аудиторий, Пашка уловил в конце коридора жужжание голосов своей родной комсомольской группы и непосредственно устремился на эти звуки, узнать которые, как пчела узнает издалека гул родного улья, Пашка, наверное, тоже смог бы на очень далеком расстоянии.

Пятая французская группа четвертого курса факультета журналистики, к которой имел честь принадлежать студент Пахомов, томилась около входа в шестнадцатую аудиторию — самую большую аудиторию второго этажа, полукруглые ряды которой крутым амфитеатром восходили от черной грифельной доски к потолку.

— Ребята, смотрите, кто пришел! — радостно закричал, увидев Пашку, Боб Чудаков, первый франт и щеголь пятой французской группы. — Сам Пахом пожаловал. Здорово, Павел Феоктистович! Сколько лет, сколько зим?

Книга доступна на сайте «Bookscafe.net»:
https://bookscafe.net/read/osipov_valeriy-fakultet_zhurnalistiki-226450.html#p1

Учиться ей сначала было трудно. Подготовки, полученной в школе, явно тут не хватало. Трудна была и лекционная система. В школе все было ясно: изложение - повторение - закрепление. Здесь не повторяли и не закрепляли, только излагали. Упустишь что-нибудь - не восстановишь. Лекторы - какие-то неприступные, говорят сложносочиненными предложениями, не поймешь, где главное, где придаточное. Словом, трудно. Усердная, она занималась целыми днями, вечерами, иногда и ночами, но успехов не получалось.

А вот с общежитием ей повезло: попала в двухместную комнату со своей однокурсницей Асей Уманской, толстой, усатой девушкой с красивыми черными глазами и маленьким ртом. Ася - отличница, золотая медалистка - все решительно знала и умела объяснить лучше всякого преподавателя. Преподаватель чем плох? Сидит где-то у себя на высоте, и ему невдомек, чего студент не понимает. Ася, хоть и отличница, всегда понимала, что именно Люде неясно.

Книга находится в отделе гуманитарной литературы научной библиотеки ЧГМА

Мой многолетний педагогический опыт утверждает: чем больше человек сделал сам, тем лучше усваивается материал. Всякие там интерактивные доски хороши лишь для показа информации, но не для обучения. Зато, когда читаешь лекции по старинке, происходит массированная атака на присутствующих сразу по массе параметров. Акустически — я вещаю. Визуально — я пишу, причем мой почерк поднимает самооценку у последнего двоечника, понимающего, что его буквы куда ровнее. Механически — студент конспектирует. Эмоционально — я живая, да еще иногда брякну что-нибудь специфическое (часто подобного делать не стоит, а время от времени полезно). К какому бы типу восприятия ты ни тяготел, он задействован по полной — не то что при скучной демонстрации красочных слайдов с выдачей каждому готовой распечатки…

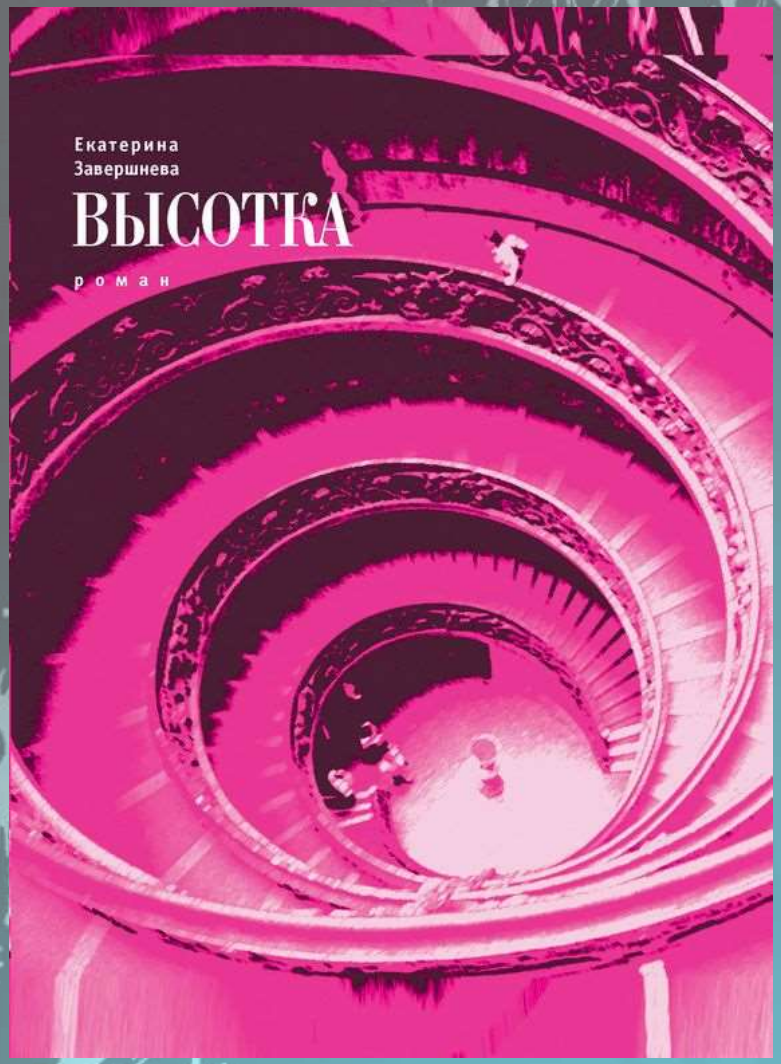
Книга доступна на сайте «KniqkinDom.orq»

ttps://knigkindom.ru/books/yumoristicheskaya-proza/page-5-43593-aleksandra-madunc-ostorozhno-zloi-prepod.html#fullstory-text

Всё-таки, есть что-то торжественное в словах «кафедра», «институт». В конце концов, какая разница, где учиться? Главное – кем быть. А это мы ещё не решили. Так что подучиться по дороге не мешает!»

Но одно дело – бывать тут зелёной школяркой, и совсем иное – полноправной хозяйкой – студенткой. Это чувствительный момент. Я бы даже сказала, чувственный: «Полина Романова. Студентка первого курса лечебного факультета». Тут хочешь не хочешь – засияешь, как лампочка. Ей бы и хотелось придать солидности и тяжеловесности выражению лица, да только всё равно – семнадцать, они и есть семнадцать. Именно столько было нашей героине, когда она на правах полноправной студентки толкнула тяжеловесную входную дверь главного корпуса Одесского медицинского института имени Николая Ивановича Пирогова.

Книга доступна на сайте «Kniqgov.ru»:
https://knigov.ru/proza/sovremennaya-proza/page,15,6144-solomatina-tatyana-yurevna-kommuna-ili-studencheskii/#book



В университете мне нравилось. При наличии в группе двадцати с лишним мальчиков всегда находился желающий запаять пробирку, приладить трехгорлую колбу, собрать-разобрать установку, снять полярограмму или подсчитать выход чистого вещества. Ацетиленовой горелки я боялась до чертиков, а между тем она нужна была каждый день, но я ухитрилась ни разу не остаться с ней один на один за все время обучения на химфаке.

(Чужими руками жар загребаешь, говорил Олежка, и был, конечно, прав - я делала это сознательно, хотя во обще-то сознательного в той жизни было немного.)

Впрочем, уже к концу первого семестра обучение из разряда главных жизненных целей перешло в цели побочные.

Книга доступна на сайте «Mir-knig.com»:
https://mir-knig.com/read_254122-7#

Ну а какие самые военные профессии среди офицеров? Артиллерист, танкист, минёр-подрывник? Не-а! Нет в названии этих специальностей и намёка на слово "военный". Самых военных профессий две - военный дирижер и военный врач. Про военных дирижеров ничего не знаю, а вот на военврача мне довелось поучиться. Дело было в городе-герое Ленинграде в Военно-Медицинской Краснознаменной, много раз орденов всяких, и прочая, и прочая Академии (тогда) имени Кирова. Вообще-то верхнее медицинское образование, да еще с военным в довесок, дело тяжкое и серьёзное. Но пока его получишь, столько разного случится!

Книга находится в отделе обслуживания гуманитарной литературы научной библиотеки ЧГМА

Вот ведь как порой бывает на белом свете! Жил себе человек тихо, спокойно, в университете учился, лекции слушал, экзамены сдавал, с курса на курс переходил потихоньку, строил приятные планы на будущее... А потом вдруг – взгляд, улыбка, золотистый локон, пара ножек под мини-юбкой, – и всё пошло кувырком: университет опостылел, лекции опротивели, планы на будущее утратили всю свою прелесть, а прежняя, тихая и размеренная, жизнь стала казаться беспросветно глупой и скучной.

А что, собственно говоря, произошло? Да ничего особенного! Просто наступила весна!

Книга доступна на сайте «Litvek.com»:
https://litvek.com/book-read/302257-kniga-aleksandr-desna-fragmentyi-studencheskoy-biografii?p=2

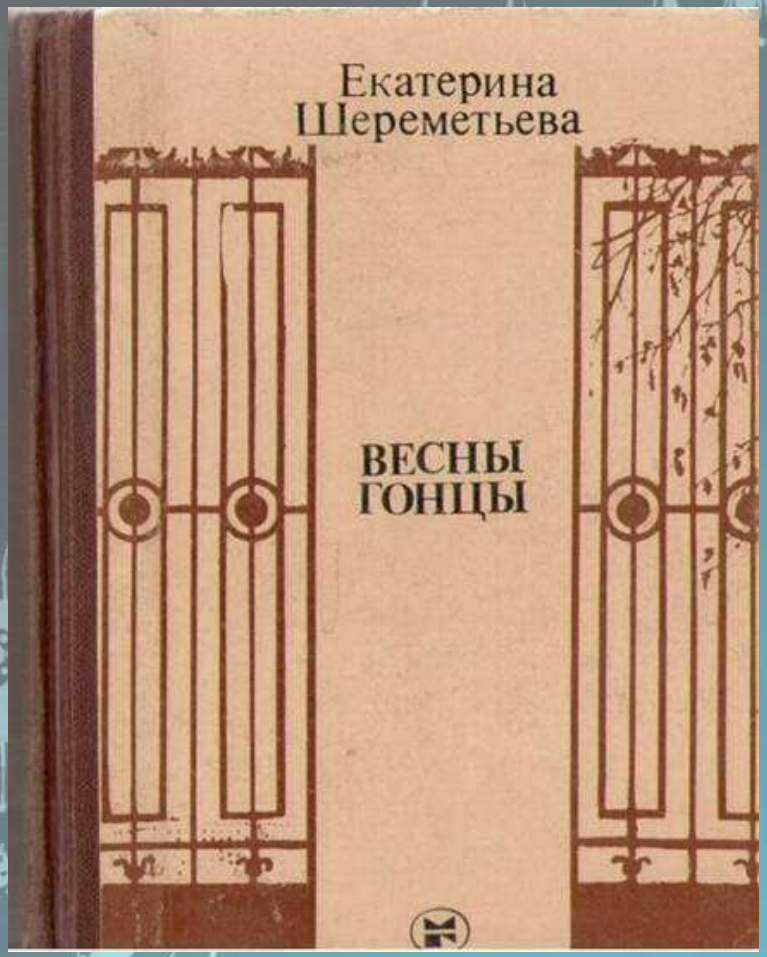
По вторникам у нас нет ни живописи, ни рисунка. Четыре часа тепепе – так сокращенно называем мы технологию полиграфического производства и два часа полиграфматериалы. Этот предмет читает старик Шумский, автор учебника, который мы должны освоить. На вид он вполне безобидный – сухонький, маленький, седенький. Наверное, про таких сказано: божий одуванчик. Кто бы мог подумать, что он гроза всех второкурсников! Говорят, на экзаменах он здорово сыплет.

Про него ходит анекдот, будто он сказал одной студентке: «Так и быть, я поставлю вам неуд, только ответьте еще на два вопроса…»

Книга доступна на сайте «Libkinq.ru»:
https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/262607-8-inna-goff-yunosha-s-perchatkoy-rasskaz-studentki.html#book

- Итак, меня зовут Людмила Ивановна Юрченко. Я прочитаю вам свод правил. Категорически запрещается списывать, фотографировать, листать и нашептывать лекционный материал во время тестов. Сразу говорю — кого застукаю, тот получит два. Два это отработка. В лучшем случае. А в худшем — отчисление. Будем надеяться, что правило первое вам ясно. Второе. Прогул означает все ту же двойку. Любая уважительная причина вроде последней стадии туберкулеза — доказывается справкой из тридцать третьей поликлиники. Мы все прекрасно понимаем, что большинство ваших родителей — врачи. Так что бумажки со штампами уже ни на кого впечатления не производят. Третье…

Книга доступна на сайте «Mir-knig.com»:
https://mir-knig.com/read_354616-4#



Приказ-список висел в «колонном зале». Алена сразу увидела свою фамилию, крепко зажмурилась, снова открыла глаза — нет, не приснилось, не показалось, не выдумалось! В приказе, хотя и не крупными буквами, ясно значилось: «Строганова Елена Андреевна». Она была так не готова к этому чуду, к тому, что можно написать матери: «При-ня-та!» И пусть это письмо читают все, пусть девочки отнесут его в школу, пусть прочтут все учителя. Все! Теперь ей уже не надо было сдерживать радость! Широко раскинув руки, она повернулась к Агнии — обнять, закружить ее!

Книга доступна на сайте «Bookscafe.net»:
https://bookscafe.net/read/sheremeteva_ekaterina-vesny_goncy_kniga_pervaya-210370.html#p19

Зарубежная литература

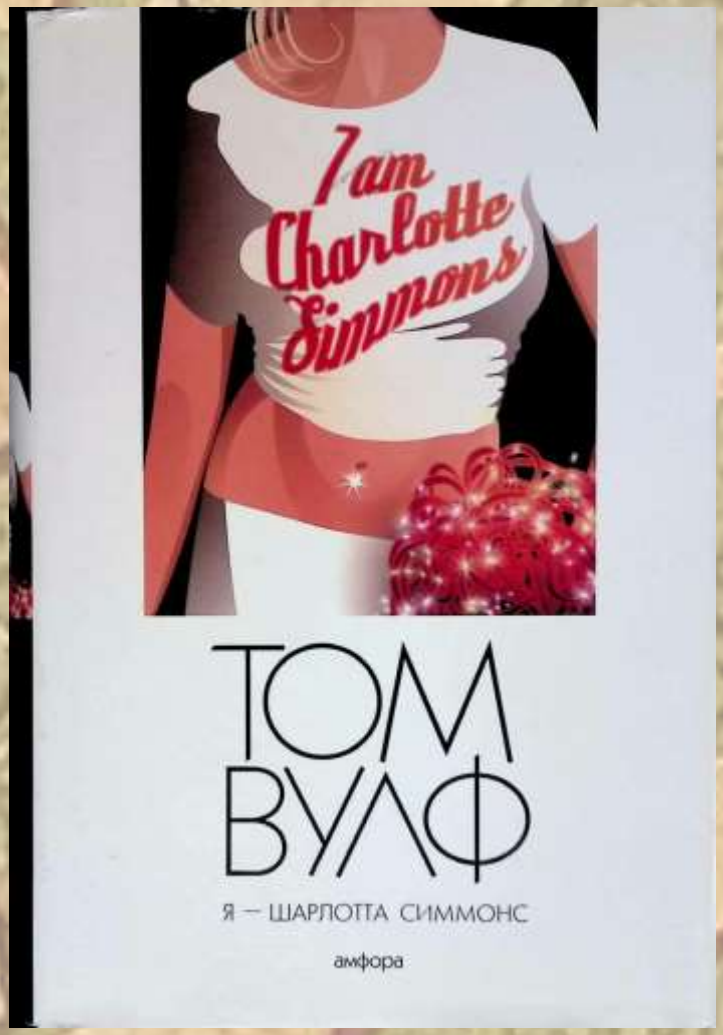
Должно же существовать возможное обоснование причины, по которой человека переполняет кипучая радость оттого, что он — сын Гарварда, а не тот несчастный, кому, в силу ужасного невезения при рождении, суждено было стать выпускником Йеля или Корнелла.

Уильям Джеймс, доктор медицины, выпуск 1869 г.

К. Вертхаут,
Спящий студент, 1663 г.

Его студенты, если только по ним можно было судить о том, что за учитель Джулиан, производили весьма сильное впечатление. При множестве различий все они обладали некой холодной отстраненностью, жестким, отточенным шармом, в котором не было абсолютно ничего от современности, но, напротив, чувствовалось дыхание давно ушедшего мира. Они были восхитительными созданиями — их движения, их лица, весь их облик. Они мне нравились и вызывали у меня зависть, но я понимал, что эти странные качества вовсе не даны им от природы, а достигнуты кропотливыми усилиями. (Позже я обнаружил то же самое у Джулиана. Хотя он, напротив, казался естественным и открытым, непосредственность была здесь ни при чем — впечатление безыскусности создавалось благодаря высочайшему искусству.) Как бы то ни было, я хотел быть таким, как они.

Книга доступна на сайте «Mir-knig.com»
https://mir-knig.com/read_98424-18#



Джоджо обвел взглядом Главную площадь. Яркие лучи послеполуденного летнего солнца неожиданно выигрышно высветили готические здания, окружавшие площадь: суровые каменные строения словно потеплели – желтые, охристые, коричневые и пурпурные отсветы на стенах делали их еще более величественными и значительными. Здание библиотеки с высокой башней сейчас особенно походило на огромный собор… Джоджо редко бывал внутри, разве что его загонял куратор. Впрочем, пару раз он заглядывал туда по вечерам, едва ли не за полночь, чтобы как будто случайно повстречать там одну девушку, которая, как ему было известно, имела привычку засиживаться в библиотеке допоздна…

Книга доступна на сайте «Mir-knig.com»
https://mir-knig.com/read_258487-20#

Когда после чтения по теории семиотики принимаешься за роман, ощущение такое, будто бежишь с пустыми руками после того, как побегаешь с гантелями. Выходя из аудитории после «Семиотики 211», Мадлен находила убежище в Рокфеллеровской библиотеке, спускалась в подвальное помещение, где полки источали оживляющий запах плесени, и хватала что-нибудь — что угодно, «Обитель радости», «Дэниела Деронду», — лишь бы восстановить нормальное душевное состояние. Как замечательно было читать, когда одно предложение логически вытекало из предыдущего! В романе XIX века Мадлен чувствовала себя в безопасности. Там всегда попадались люди. Они обитали в месте, похожем на мир, где с ними что-то происходило.

Книга доступна на сайте «Mir-knig.com»
https://mir-knig.com/read_358333-13#

Щедро растрачивая свои богатства, штат Эйфория создал один из крупнейших в Америке университетов: американцы скупали на корню именитых профессоров и предлагали им в обмен на их лояльность лаборатории, библиотеки, исследовательские гранты, а также прелестных длинноногих секретарш. К нынешнему, шестьдесят девятому году, слава университета как образовательного центра уже достигла зенита и стала клониться к закату — возможно, по причине нарастания студенческих волнений и противодействия им губернатора штата Рональда Дака, бывшего киноактера и человека правых взглядов. Однако академические ресурсы университета были столь велики, что и в этих условиях он мог продержаться еще долгие годы. Одним словом, в эйфорийский университет по-прежнему тянуло как магнитом профессоров со всех концов земли.

Книга доступна на сайте «Libkinq.ru»

https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/33500-3-devid-lodzh-akademicheskiy-obmen.html#book

В конце семестра я сдал курсовые экзамены - это было необходимо, если я хотел остаться в Оксфорде, и я их сдал, на неделю запершись от Себастьяна в своих комнатах, где допоздна просиживал за столом с чашкой холодного черного кофе и тарелкой ржаного печенья, набивая себе голову так долго остававшимися в небрежении текстами. Я не помню из них сегодня ни единого слова, но другие, более древние познания, которые я в ту пору приобрел, останутся со мною в том или ином виде до моего смертного часа.

Книга доступна на сайте «Mir – kniq.com»
https://mir-knig.com/read_246447-9#

В темном зале с огромным окном из витражного стекла толпились сплошь будущие мировые лидеры, лауреаты Нобелевской премии, промышленные магнаты, нейрохирурги, а также несколько дюжин страховых агентов.

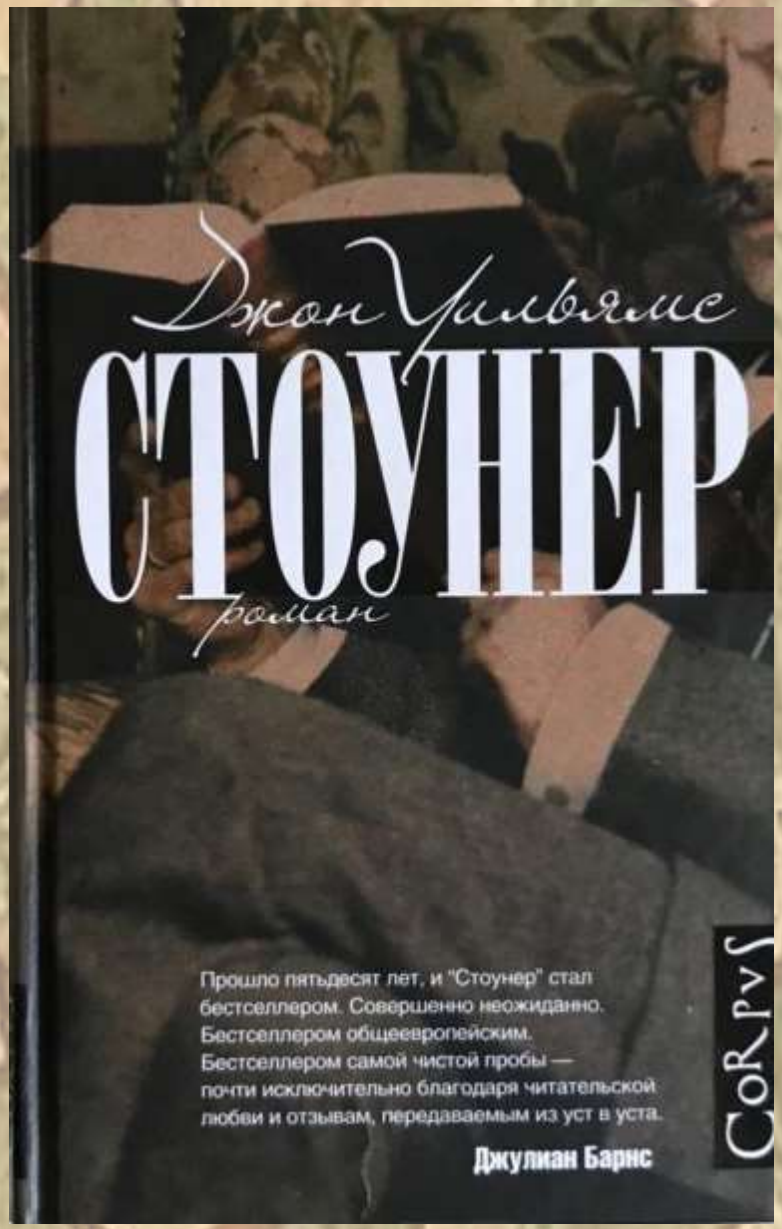
Прежде всего каждому из них вручили по большому желто-коричневому конверту, в котором содержалось несколько видов заявлений: их надо было подписать (в четырех экземплярах для бухгалтерии, в пяти экземплярах для секретаря учебного заведения и, непонятно зачем, в шести экземплярах для студенческой поликлиники). Выполняя всю эту бумажную работу, молодые люди сидели бок о бок за узкими столами, которые тянулись в ряд до бесконечности.

Книга доступна на сайте «Bookscafe.net»
https://bookscafe.net/read/sigal_erik-odnokursniki-251908.html#p11

Давным-давно, а если точнее – лет двадцать назад, я жил в студенческом общежитии. Было мне тогда восемнадцать, и я только поступил в институт. Токио я не знал вообще, и никогда не жил один, поэтому заботливые родители подыскали мне общежитие. Там нас кормили, имелось все необходимое. Это и повлияло на выбор жилья для неоперившегося восемнадцатилетнего юнца. Принеси свою постель и настольную лампу – и больше ничего покупать не нужно.

Общага располагалась в Токио на холме с видом на центр города. Широкая территория окружена высоким бетонным забором. Сразу за ним по обеим сторонам возвышались ряды исполинских дзелькв – деревьям стукнуло, по меньшей мере, века полтора. Из-под них не было видно неба – его полностью скрывали зеленые кроны.

Книга находится в отделе гуманитарной литературы научной библиотеки ЧГМА



Он выполнял свою учебную работу так же, как работу на ферме: тщательно, добросовестно, не испытывая ни удовольствия, ни подавленности. К концу первого курса средняя оценка у него была чуть ниже чем «хорошо»; он был доволен, что его результаты не хуже, и его не огорчало, что они не лучше. Он понимал, что узнал то, чего не знал раньше, но это значило для него одно: на втором курсе он, вероятно, сможет учиться так же неплохо, как на первом.

На летние каникулы он вернулся к родителям на ферму и помогал отцу с полевыми работами. Отец спросил его раз, как ему нравится в колледже, и он ответил, что очень нравится. Отец кивнул и больше ни о чем не спрашивал.

Только на втором курсе Уильям Стоунер понял, ради чего он учится.

Книга доступна на сайте «Flibusta»:
https://flibusta.club/b/498015/read

Благодарим за внимание!

Презентацию подготовила сотрудник научной библиотеки ЧГМА
Губанова И.В.